

персов, финикийцев, египтян, эллинов и т.д. было вполне стандартным для греческой письменности и фиксируется уже у Геродота⁵.

Эти огрехи, конечно, не могут поставить под сомнение научную значимость обсуждаемого труда. Несомненно, новая книга В.А. Арутюновой-Фиданян является ярким вкладом в отечественную и мировую арменистику и византинистику, она значительно корректирует наши знания о сути и содержании византийско-армянских отношений, придает фактическую полноту и логическую законченность многолетним разработкам автора.

Р.М. ШУКУРОВ

Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.

Еще в начале 1970-х годов в своей аннотации на издание “Стратегикона”, выполненное Х. Михаэску, А.П. Каждан отметил, что появление румынской книги “снова ставит вопрос о необходимости нового русского перевода” этого памятника (ВВ. 1972. Т. 33. С. 235). Александр Петрович, конечно, имел в виду устарелость и низкое качество перевода М.А. Цыбышева (1903), не уточнив, правда, что перевод этот был выполнен с латинской версии трактата, содержащейся в единственном для того времени издании И. Шеффера (1664). Переводы отдельных мест “Стратегикона”, касающиеся прежде всего славянских сюжетов, не ставили своей целью скрупулезного ознакомления российского читателя с памятником¹. Поэтому издание, подготовленное В.В. Кучмой, известным историком византийской армии, прекрасно зарекомендовавшим себя изучением и переводом ромейских военных трактатов², – в известном смысле не просто реализация давно назревшей необходимости, а первая в отечественной византистике полная *translatio* на русский язык греческого оригинала “Стратегикона”. В основу перевода положено венское критическое издание Дж. Дэнниса с учетом изданий Шеффера и Михаэску, а также существующих переводов (на латинский, румынский, английский, немецкий и русский языки). Перевод сопровождается хорошим реальным комментарием, расположенным постранично, что весьма удобно для читателя, особенно малознакомого со специфичной греческой военной терминологией рубежа VI–VII вв. Подробность, многоаспектное содержание и, вместе с тем, предельная ясность комментария резко расширяют круг читателей книги Кучмы, делая ее интересной не только для византинистов, но и для медиевистов, востоковедов, славяноведов, как историков, так и филологов. Представляются абсолютно верными два принципа трансляции текста трактата, оговоренных (с. 58–59) и тщательно реализованных Кучмой, – предоставление приоритета смыслу информации сочинения (если она не совмещается со стилистикой оригинала) и сохранение без перевода (в большинстве случаев) военных терминов, не имеющих в своем содержании точного аналога в русском языке. Отсюда и свойства методики комментария. Кучма, останавливаясь на каждом из такого рода терминов, когда тот впервые встречается в “Стратегиконе”, неторопливо и в то же время предельно четко разбирает толкования, предложенные его предшественниками, и выверяет вроде бы установившиеся объяснения, факты и хронологию.

Обстоятельное Введение содержит обзор рукописной традиции трактата, проблемы его авторства³, а следовательно, и датировки; очень важно корректное освещение структуры па-

⁵ См., например, для *χώρα/πρῆγματα τῶν Ἑλλήνων/Περσέως*: Herod., I. 46; II. 13; VIII. 10, 75, а также: Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 1457, 2015, словарные статьи соответственно для *πρῆγματα* (в значении state, empire) и *χώρα* (в значении land, country).

¹ Здесь следует прежде всего обратить внимание на выполненные В.В.Кучмой перевод и комментарий тех мест трактата, которые посвящены практике борьбы со славянами, в издании: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I–VI вв.). С. 364–393.

² Из книг, выпущенных издательством “Алетейя”, отмечу: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001; Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб., 2002.

³ В результате многопланового анализа Кучма присоединяется к тем исследователям (начиная с А. Дэна), которые допускают принадлежность авторства “Стратегикона” императору Маврикию (с. 8–15).

мятника, тесно связанной с предшествующей традицией создания типологически схожих с ним трудов. Вообще книга Кучмы наглядно демонстрирует, что хорошо выполненное аналитическое введение к переводу источника и такой же по качеству комментарий имеют самостоятельную научную ценность даже безотносительно к высокому качеству этого перевода. Так, большая часть вводной статьи посвящена скрупулезному (но доступному и читателю-неспециалисту) анализу взглядов автора “Стратегикона” как на стратегию и тактику вообще, так и на конкретные формы их применения (с. 22–53). Здесь прежде всего обращает на себя внимание исследование подходов Маврикия к конкретным принципам ранневизантийской военной доктрины, к тем ее составляющим, которые включают в себя творческие рекомендации по подготовке и осуществлению различных боевых действий. Не буду предлагать развернутых суждений по поводу этого анализа, они практически идентичны тем положительным оценкам, которые дал Н.Д. Барабанов подобной методике исследователя, примененной в книге о “*De velitatione bellica*” и “*De castrametatione*” (ВВ. 2004. Т. 63. С. 256–258). Отмечу лишь несколько качеств сочинения Маврикия, анализируемых и подчеркиваемых Кучмой как основополагающие: не только профессионализм рекомендаций и аутентичность действительности выделяемых реалий, но и сугубо практический характер этих рекомендаций, подкрепляемых простотой изложения (весьма актуальной для потенциального читателя, современника трактата). Полагаю, что именно эти свойства делают сообщения “Стратегикона”, в том числе и не касающиеся сугубо военной тематики, достойными специального целостного изучения.

В этой связи представляется весьма не простой сама проблема адресата сочинения, к которой в текстологическом плане обращался прежде всего А. Дэн⁴, но которой лишь слегка коснулся Кучма (с. 13–14). Между тем и для вопроса об авторском самосознании Маврикия весьма важно не только метко подмеченное обращение его за опытом к равному по положению военачальнику (с. 14), но и высказанные в первых строках “Стратегикона” суждения о полном забвении военного искусства “в течение длительного времени”, о людях, берущихся командовать, но не знающих “общеизвестных истин” (нет ли здесь намека на каких-то конкретных лиц?), о неопытности стратигов (Strat. Praef. 10–14)⁵. Отсюда и намерение Маврикия написать *μετρίαν τινὴ στοιχειώσιν ἥτοι ἐισαγωγήν* (ibid. 23–24) (“некоторое элементарное пособие или вводный курс”, согласно переводу Кучмы, – с. 61). Подобные суждения соответствуют мнению Кучмы о глубине краха старой, предшествующей Маврикию позднеантичной военной системы и о грандиозности замысла императора по строительству вооруженных сил, которая была сформулирована в “Стратегиконе” (с. 55). Не противоречит этому и мысль о сознательном огрублении, примитивизации Мавриkiem манеры изложения материала в стремлении приспособиться к уровню “средней массы неопытных в военном деле людей”⁶. Разумеется, следует согласиться с тем, что при Маврикии начинаются принципиальные изменения в социальной базе военной организации, предопределившие переход к армии типа ополчения (что станет через какое-то время одним из существенных источников феодной системы). Отсюда и рост роли кавалерии (отличающейся от прежней универсальностью боевого применения), положительные сдвиги в вооружении и снабжении войск и наконец в военно-теоретическом плане восстановление единства тактики и стратегии (с. 54–55). Практицизм и одновременно широта мышления автора “Стратегикона”, конечно, помогли соотнести зарождение этих элементов нового с состоянием подготовки к ним большинства военачальников; это может объяснить уничтожающую оценку Мавриkiem состояния военного искусства предшествующего времени. Другое дело: если соглашаться с оценкой “программы строительства вооруженных сил на новой основе” (той, что сформулирована в “Стратегиконе”) как “грандиозной” (с. 55)⁷, то нельзя не учитывать крайний разнородный оценок специалистами результативности даже не столько реформаторской деятельности Маврикия (о ней современ-

⁴ Dain A. Les Stratégistes byzantins // TM. 1967. Т. 2. Р. 344 sq.

⁵ Использую принцип ссылок на оригинал “Стратегикона”, принятый в венском издании: *Das Strategikon des Maurikios* / Ed. G. Dennis. Übers. von E. Gamillscheg. Wien, 1981. При ссылках на вводный очерк Дж. Дэнниса и на перевод Э. Гамилльшега (по этому же изданию) использована обычная пагинация (S.).

⁶ См.: Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 53. Примеч. 44.

⁷ Аналогичную, но более прямолинейную оценку см.: Petersen Ch.C. The Strategikon: a Forgotten Military Classic // Military Review. Aug. 1992. Т. 72. Р. 73–74.

ная историография предпочитает не говорить⁸), сколько вообще административных и военных преобразований VII в.⁹ Поэтому, ставя военно-теоретическую мысль раннесредневековой Византии на более высокий уровень по сравнению с тем, что было сделано греко-римской теорией (с. 53–54), мы, думаю, все же не в силах определить (во многом благодаря состоянию источников по истории империи VII в.), насколько рекомендации “Стратегикона” достигли своего адресата. Во всяком случае, военная судьба Ираклия не может здесь располагать к оптимизму¹⁰.

Не менее важным представляется и вопрос о той стороне мировоззрения Маврикия, которая касается оценок войны, как явления. Думаю, всяческого внимания достоин вывод о том, что Маврикий не разделяет восходящего к Платону одностороннего взгляда на войну, как на сплошной негатив. Отсюда и постановка “Стратегикона”, вслед за “Стратегикосом” Онасандра, проблемы справедливых причин войны, и связь этой проблемы с религиозно-идеологическим обеспечением успеха в войне (законность военных действий предопределяет божественную благосклонность к тем, кто их ведет) (с. 27–28). Отмечу в этой связи интересное соображение В.Э. Кэги: справедливая война, согласно целостному взгляду на рекомендации “Стратегикона”, предполагает избегание генеральных сражений, ведущих к массовым жертвам с той и другой стороны; в кампании предпочтительнее тактика обманов, набегов, измора, позволения окруженному врагу бежать с поля боя, – все это даст возможность достичь победы без лишней крови¹¹. Уже на этих примерах видно, что подготовленный Кучмой перевод “Стратегикона”, сопровождаемый методически точно выверенным исследовательским введением и аналогичным комментарием, сам по себе позволяет развивать мысль специалиста, обращающегося к реалиям позднеантичной и раннесредневековой эпохи. По сути, Кучма, наверное, первым из тех, кто специально занимался этим памятником, продемонстрировал характером своей книги гигантские возможности “Стратегикона” как источника, в том числе и не по военной истории. Приведу только некоторые примеры из потенциала трактата.

В частности, можно обнаружить тягу Маврикия к использованию термина “город” в ущерб термину “кастрон”. Но тяга эта весьма специфична.

Понятия “город” и “кастрон”, составляя композиционную пару, четко раличаются в Strat. I. 6. 6 и I. 7. 15, – в разделах, посвященных высшей мере наказания тому, кто без основания сдаст эти пункты врагу. Кучма присоединяется к выраженному в литературе мнению, что эти

⁸ Даже М. Уитби, один из наиболее известных знатоков источниковой базы для реконструкции времени Маврикия, не пишет о военных реформах этого императора и использует данные “Стратегикона” традиционно “потребительски” – для пополнения сведений Феофилакта Симокатты о стратегии и тактике рубежа VI–VII вв.: Whitby M. The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford, 1988. P. 311 sq.

⁹ Отмечу, что в огромной литературе по истории фем со времен монографий А. Пертузи и И. Караяннопулоса (Pertusi A. La formation des thèmes byzantins. München, 1958; Karayannopoulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959) генезис новых военно-административных округов до сих пор не обрел хронологической определенности. Примечательно, что Р. Лили, делая акцент на крайней растянутости преобразований, знаменующих переход к фемному строю (Lilie R. Die zweihundertjährige Reform zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BSl. 1984. 45. H. 1. S. 27 ff.), фиксирует появление первых фем временем Ираклия, а окончательное утверждение (причем во многом – не благодаря целенаправленным императорским реформам) военно-административной власти в них – началом VIII в.: Idem. Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert. München, 1976. S. 287–288, 302 ff. П. Шпайнер именует творцом (Schöpfer) фемной системы императора Ираклия (Schreiner P. Byzanz. München, 1994. S. 123 f.). Дж. Хэлдон считает юстиниановскую систему управления и обороны функционирующей “до начала VII в.”, а “трансформацию” ее относит к последующему времени. См.: Haldon J. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of Culture. Cambridge, 1990. P. 180; ср.: Idem. The Reign of Heraclius: a Context for Change? // The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontations. Ed. G.J. Reinink, B.H. Stolte. Leuven, 2002. P. 1–16.

¹⁰ Ср.: Kaegi W.E. Heraclius and the Arabs // Greek Orthodox Theological Review. 1982. T. 27. P. 109 sqq.; Idem. Heraclius, Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 229–264.

¹¹ Kaegi W.E. Some Thoughts on Byzantine Military Strategy. Brookline (Mass.), 1983. P. 8. Not 65.

пассажи, как и вообще гл. 6–8 кн. I, созданы под влиянием “военно-дисциплинарного кодекса, обычно связываемого с именем Руфа” (с. 17–18). Дэннис высказывается более осторожно, возводя эти главы к кодексам Феодосия и Юстиниана и подчеркивая, что вкупе с соответствующими нормами “Земледельческого закона” и “Морского закона” они составляли предмет специальных собраний и списков (S. 23).

В книге X (о технике и тактике осады) *χάοτρον* и *πόλις*, наоборот, композиционно разведены. Первый из этих терминов несколько раз употребляется в гл. 1, где речь идет об осаде неприятельских крепостей, и только один раз – в гл. 3, которая (как и гл. 2 и 4) трактует нормы перенесения осады ромеями. В той же гл. 3 присутствует и термин *πόλις*, причем в контексте, демонстрирующем, что в этом случае понятия “город” и “крепость” смешиваются: речь идет о возможности присутствия в “городе” “гражданского населения” (так в данном пассаже Кучма переводит термин *δημος*, – с. 179), – обстоятельство, вполне сопрягаемое с упомянутой несколько раньше необходимостью освободить осажденный *χάοτρον* (это и есть единственный случай употребления такого термина в данной главе) от “беспольных людей”, т.е. от женщин, стариков, больных и детей (с. 177)¹². Аналогичное сопряжение можно усмотреть там же в тезисе о запрещении выходить за стены *τινας τῶν στρατιωτῶν ἢ πολιτῶν*. Последний термин Кучма справедливо переводит как “горожане” (с. 179). Тем самым мы видим, что “горожане” и “стратиоты” четко противопоставлены друг другу; это полностью подтверждает и весь контекст гл. 3, в котором бытуют эти понятия. Мало того, в подобном контексте *δημος* и *πολιται* практически отождествляются.

Содержательно обоснованное смешение “города” и “крепости” подчеркивается также поглощающим их термином *ὄχυρον*, выведенным в название гл. 1 и 4. Следует, однако, учитывать, что в гл. 4 данный термин идентичен понятию *τόλιν ὄχυρόν*, подразумевающему прочную топографическую позицию (с. 180, примеч. 3; *einen festen Platz* в переводе Гамилльшега – S. 347).

Таким образом, композиционное разведение терминов “город” и “кастрон” (“крепость”) в кн. X компенсируется относительным смешением их содержания, акцентом на общности для них оборонительной функции, которая в первую очередь и интересует автора “Стратегикона”. Видимо, с учетом этого и следует относиться к еще одному разделу сочинения, где присутствует термин *πόλις*, но отсутствует *χάοτρον*, а именно: к гл. 1 (A) кн. VIII. “Город” упомянут в этом разделе три раза – при констатации необходимости: 1) открыть ворота для бегства горожан после взятия “многолюдного города” (тезис 25); 2) не оставлять незащищенным свой полевой лагерь при осаде какого-либо города (тезис 34); 3) следить за перебежчиками, прибывающими в обороняемые византийцами города (тезис 42)¹³. Таким образом, и в этом разделе город присутствует лишь как объект осады, без констатации каких-либо иных его функций, кроме военно-оборонительной. В гл. 2 (B) кн. VIII “города” нет. Однако здесь надо принять во внимание два обстоятельства, на которые указывает В.В. Кучма. Во-первых, это сходство общего смысла обеих глав (основные принципы действий главнокомандующего, изложенные в форме сентенций). Во-вторых, различие в характере компиляций этих сентенций: передача общего смысла высказываний Онасандра (I в. н.э.) и Вегетия (конец IV – первая половина V в.) в гл. 1 и дотошное, хотя и бессистемное воспроизведение максим Вегетия в гл. 2 (с. 18–19). Отсюда можно предположить, что троекратное упоминание города в гл. 1, в противоположность к полному его отсутствию в гл. 2, вызвано не каким-то особым интересом автора в этих разделах “Стратегикона” к военным аспектам урбанизма, а специфичными приемами компиляции материала, положенного в основу глав.

Подобные наблюдения относительно тяги Маврикия к использованию термина “город” в ущерб термину “кастрон” позволяют думать о предельно прагматичном отношении императора (по крайней мере в данном сочинении) к явлениям, скрывающимся за этими словами. Город или крепость в “Стратегиконе” – только *ὄχυρον*, а *δημος* или *πολιται* – всего лишь люди, способные выполнить определенные функции при осаде укрепления. Об этом же говорит присутствие термина *πόλις* лишь в разделах или пассажах трактата, ограниченных соот-

¹² Сходные рекомендации содержатся в трактатах Энея, Онасандра и Вегетия. См.: Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1986. Т. 46. С. 119; Он же. “Краткое изложение военного дела” Вегетия как синтез военно-теоретической мысли античности // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. С. 135.

¹³ Ср.: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. The Illinois Greec Club. L., N.Y., 1923. P. 420.

ветствующей “осадной” тематикой. Конечно, тяга Маврикия к более частому использованию в подобных главах или предложениях слова “город” в ущерб слову “кастрон” может свидетельствовать и о серьезной инерции позднеантичного, “градоцентристского” сознания автора трактата¹⁴. Но это требует обстоятельного анализа социальной составляющей текста “Стратегикона” в сравнении с аналогичной составляющей его источников.

Уже этих примеров, полагаю, достаточно, чтобы показать возможности извлечения из “Стратегикона” некоторых данных даже по социально-экономической истории VI в. и уж тем более по истории социально-сословного строя.

Обратим, например, внимание на использование в трактате такого принципиального (и для античности, и для средневековья) понятия как *ἐλευθερία* и производных от него. Высокое качество перевода Кучмой соответствующих мест “Стратегикона” позволяет, конечно, говорить, о невысоком внимании Маврикия к социальным реалиям исключительно в контексте военно-дидактических задач сочинения. Среда, из которой он черпает юридические, этические и социальные понятия, – почти всегда армия. Термины *ἐλευθερία*, *ἐλευθερός* и т.п. оказываются подчиненными целям текста как совокупности требований к военачальникам. Одно из самых важных в этом ключе мест трактата – разъяснение принципов выплаты рогии тем стратиотам, которым приходится содержать за ее счет *φάσιλαρχά* (в толковании этого термина Кучма в первую очередь апеллирует к Ф. Оссаресу и Х. Михаэску – с. 70, примеч. 4). Данное понятие включает в себя *πάντως παῖδας* (“всех слуг” в переводе Кучмы) стратиота (Strat. I. 2. 63), что подразумевает *ἢ δοῦλους ἢ ἐλευθέρους* (классически античные антонимы). Перевод указанного раздела базируется на тщательном учете существующих в литературе суждений о связи рогии с составом обслуги войска, с составом обоза (*τοῦλδος*), с обоснованием расчета – “один слуга” (*ἓνα παῖδα*) на трех или четырех “стратиотов нижних чинов” (так Кучма переводит фразу *εἰς τοὺς κατωτέρους στρατιώτας*; у Гамиллышега – *unter den niedrigeren Soldaten* – S. 83).

Зыбкость свободы человека в рамках реалий “Стратегикона” видна не только в возможности включения элевтера в категорию *παῖδα* наряду с *δοῦλος*. В уже упомянутой гл. I (A) кн. VIII имеется сентенция о целесообразности обещать осажденным врагам “свободу и пощаду” и демонстрировать им “освобождение (*ἄφεσις*) пленных” (с. 148).

Упомянутыми пассажами употребление слова *ἐλευθερία* в военно-прикладном контексте трактата, касающемся обеспечения военной кампании в целом, и ограничивается. Другая группа сведений, где оно используется, касается качеств внешнеперских народов (XI, 2–4) – сюжеты, многократно проанализированные в исследованиях, посвященных конкретным этносам V–VI вв. Мне, однако, кажется, что в вводной статье Кучмы был бы уместен более развернутый материал, в отношении анализа этнографической информации “Стратегикона”, например, тот, который был представлен в его весьма содержательной работе 1979 г.¹⁵ В контексте “Стратегикона”, обращающего внимание преимущественно на те свойства чужого народа, которые следует знать для успешной борьбы с ним¹⁶, весьма важна высказанная в названной работе мысль (поддерживающая соответствующие наблюдения Б. Застеровой) о клишированности, традиционности этнографических зарисовок Маврикия¹⁷. Вместе с тем мне представляется исключительно верным суждение о связанности автора трактата реальным военно-стратегическим характером подобного материала, серьезно ограничивающей эту клишированность; отсюда принципиальное отличие концепции Маврикия от взглядов предшественников: признание “необходимости учиться у противника” (с. 31). Поэтому, полагаю, весьма осторожно следует относиться и к формально традиционному мотиву *ἐλευθερία* при этнографических описаниях таких варваров, как тюрки (“турки” – в переводе Кучмы), “светловолосые народы” (франки, лангобарды и “другие с подобным образом жизни”),

¹⁴ Ср. наличие 14 пассажей с упоминанием кастроны и всего лишь трех мест, где употребляется термин *πόλις* в “De velitatione bellica”: The Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 356, 367.

¹⁵ Кучма В.В. Византийские военные трактаты... С. 70–72.

¹⁶ Ср.: Цанкова-Петкова Г. Материалията култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на “Псевдо-Маврикий” // Известия на Института за българска история. 1957. Т. 7. С. 329–344; Zástěrová B. Les Avares et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971. P. 54; Литаврин Г.Г. Византийцы и славяне – взаимные представления // Он же. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 594.

¹⁷ Кучма В.В. Византийские военные трактаты... С. 70.

а также “склавы, анты и им подобные”. “Народ тюрк многочислен и свободолюбив” (с. 186) (πολύαριθρόν τε καὶ ἐλευθέρον – Strat. XI, 2. 8) – одно из первых наблюдений Маврикия над качествами “скифских народов”. Перевод Гамиллышегом этого места, на мой взгляд, излишне буквален – *zahlreich und frei* (S. 361), в то время как Кучма передает более глубокий смысл фразы, вытекающий из контекста, ибо именно “свободолюбие” тюрк предполагает их стремление “ни к чему иному, кроме как смело противостоять врагам” (с. 186). Кроме того, указанному этикетному, по сути, антиклизированному наблюдению предшествует чисто прикладная, дидактическая констатация заботы тюрк и авар о боевом порядке в отличие от “остальных скифских народов”. В похожем контексте помещены слова о том, что франки, лангобарды и им подобные ставят “свободу превыше всего”; отсюда их смелость, стремительность, способность вести бой в конном и в пешем строю и т.д. (с. 188). И опять-таки именно рассуждение об отношении “светловолосых народов” к ἐλευθερία, открывая главу об этих этносах, само по себе, в отрыве от дидактического контекста главы, обладает всеми свойствами клише. Абсолютно то же место занимает в рассказе о славянах и антах тезис о свободолюбии этих народов (с. 189); функции его в тексте главы, несмотря на ту же самую этикетность формы, аналогичны свойствам таких же слов о значении ἐλευθερία для авар, тюрк и германцев. Можно лишь отметить, что только для славян Маврикий констатирует полное нежелание “ни стать рабами, ни повиноваться”, – писательский прием, резко усиливающий значимость “свободолюбия” склавов и антов для их боевых качеств. Если правы те исследователи, которые полагают, что именно славяне представляли в то время наибольшую опасность для империи (см.: с. 31)¹⁸, то этот прием автора “Стратегикона” – один из возможных аргументов для подкрепления ими своей точки зрения.

Плодотворность перевода многозначных терминов с учетом их контекста ведет к вопросу о степени применения этого принципа к работе с трактатом Маврикия. Например, в достаточно загадочной (с точки зрения проблем характера компилятивного уровня отдельных разделов “Стратегикона”) кн. VIII (гл. В. “Назидания”) контекст сентенции 13 буквально подводит к следующему переводу: “Искусный (в оригинале – ἀνδρεῖος – Strat. VIII. В. 13. 34) стратиг – это тот, кто приспособливает собственное мастерство к особенностям времени и боевых действий” (с. 151). (Высказывание в целом соответствует смыслу суждений Вегетия¹⁹. Ср.: Vegetius. III. 9.) В той же главе, но в иных контекстах, слово ἀνδρεῖα и производные от него соотносятся с этическим понятием “мужество”: не следует вести в бой стратиотов, мужество которых не проверено на практике (Strat. VIII. В. 3. 8 – 9; ср.: Vegetius. III. 26); в генеральном сражении больше значит судьба, нежели мужество (Strat. VIII. В. 4. 10–12; ср.: Vegetius. III. 26); “мужество и боевой порядок более плодотворны, чем количество сражающихся” (Strat. VIII. 2. 8. 21–23; ср.: Vegetius. I. 1; III. 26); “немногие оказываются мужественными по природе – их делают пригодными старания и тренировки. Стратиоты, постоянно занятые делом, будут преуспевать в мужестве...” (Strat. VIII. 2. 9. 24–25; ср.: Vegetius. III. 26). При сравнении функций термина ἀνδρεῖα в этих максимах с его значением в сентенции 13, конечно, следует помнить о консервативности и относительности подобных понятий, их темпоральной, социальной и предметной окрашенности. Но, с другой стороны, именно этот термин – один из тех, что выводит на серьезнейшую проблему восприятия Мавриkiem античной культурной традиции.

Так в сентенции 9 особенно заметна античная характеристика генетических свойств мужества – признание возможности как природного, так и воспитательного начала в его происхождении. Никакого божественного промысла, в соответствии с христианской традицией, в генезисе ἀνδρεῖα здесь не просматривается. Абсолютно в античном духе максима 4 указывает на влияние τῆς τύχης [а отнюдь не воли Божьей, не христианского провидения, о которых говорится в Strat. Praef. 40–41, 45–46 (ср.: с. 62); II, 1. 10–11 (ср.: с. 84); VII, A. 7–9 (ср.: с. 128); В. 11. 13–14, 12. 16 (ср.: с. 138, 140)] и τῆς ἀνδρείας на исход битвы²⁰. И, видимо, дело здесь не только в происхождении подобных тезисов из античного источника (Ср.: Vegetius. III. 26: *proelio, in quo amplius solet fortuna potestatis habere quam virtus*). Сентенция 8 в соответствии с

¹⁸ Ср.: *Curta F. The Making of the Slavs. History and the Archeology of the Lower Danube Region*, с. 500–700. Cambridge, 2001. P. 74–119.

¹⁹ Мною использовано издание: *Flavii Vegetii Renati Epitome rei militaris* / Ed. C. Lang. Lipsiae, 1885. (Далее: Vegetius).

²⁰ В характеристике использования Мавриkiem термина δευτέρα τύχη, синонимичного ἐνάντια τύχη, Кучма следует за Гамиллышегом (с. 85, примеч. 2; ср. S. 111, Anm. 11).

античными же принципами разделяет *ἀνδρεία* и *τάξις*, и это особенно важно, учитывая, что в данном случае термин *τάξις* более соотносим с тем смыслом понятия *τέχνη*, который в “Стратегиконе” наиболее близок к понятию “тактика”, к определению конкретных способов военных действий. Например, мне кажется совершенно верным перевод высказывания *οἱ πόλεμοι κρίνονται... διὰ στρατηγίας καὶ τέχνης* (Strat. II. 1. 11) как “исход сражений решается... стратегией и тактикой” (с. 84) (точно так же у Гамиллышега – *durch Strategie und Taktik* – S. 111). Соответственно чуть ниже (после определения стратегии) сентенция *τέχνης δὲ τὸ μετὰ τάξεως καὶ συμφωνίας τὸν στρατὸν ποικίλως καὶ ἀσφαλῶς τὰς τῶν πολέμων μάχας καὶ ἐγχειρήσεις ποιεῖσθαι* (Strat. II. 1. 15–17) переводится следующим образом: “Тактика ведет тем, как следует многообразно и надежно осуществлять сражения и другие боевые действия силами войска после выстраивания его в боевой строй и упорядочивания” (с. 85). Наконец, в максиме, указывающей на необходимость применять “различные приемы” (*τέχνας διαφόρους*) (Strat. VIII. 2. 30. 83) для побуждения стратиотов к смелости (с. 152), – т.е. опять-таки в наиболее антиквизированном, восходящем к Вегецию разделе трактата, – понятие *τέχνη* наиболее соответствует своему классическому значению – искусство. Достаточно отметить фиксируемое в “*Epitome rei militaris*” умение римлян готовить новобранцев: *atque omni docere, cotidiano exercitio roborare* (Vegetius. I. 1).

Из подобных наблюдений, на мой взгляд, во-первых, вытекает (если возвратиться к сентенции 13 второй главы той же книги), что Маврикий не только из опасения тавтологии избегает термина *τεχνικός*, предпочитая слово *ἀνδρεῖος* для определения качеств стратига, приспособляющего свое мастерство (*ταῖς οἰκείαις τέχναϊς*) к конкретным боевым действиям. *Ἀνδρεία* в “Стратегиконе”, в том числе в кн. VIII, даже частично не сходится по содержанию с *τέχνη*, *τάξις* и иными, им подобными терминами. Поэтому именовать стратига указанной сентенции следует, скорее всего, не искусным, а все-таки истинно мужественным или по зрелому отважным. Гамиллышег для своего перевода избирает в данном случае прилагательное *tapfer* (S. 281). Именно в этом смысле употребляет Маврикий слово *ἀνδρεία* для именования необходимого, наряду с благоразумием (*σύνεσις*), для полководца качества (Strat. II. 1. 15) при определении предмета стратегии, изучающей “использование в ходе генеральных сражений условий времени и места, неожиданных действий и различных военных хитростей...” (с. 84–85) – пассаж, смысл и лексика которого крайне близки к содержанию сентенции 13. Во-вторых, очевидно, что зависимость Маврикия (даже на компилятивном уровне) от определенно-го “античного заряда” в некоторых понятиях, содержащихся в кн. VIII вряд ли следует экстраполировать на весь трактат. Так, в оценке качеств, нужных разведчику, мужество уступает рассудительности и бдительности (Strat. IX, 5. 60; ср. с. 171); мужественных стратиотов в определенных случаях следует размещать в тагме впереди и позади менее опытных и более слабых (Strat. XII. В. 9. 34–38). Это суждения, вытекающие не только из античного мировоззрения.

Вообще обращение Маврикия к классическому наследию отличается сложностью хотя бы потому, что если он и демонстрирует знакомство с античными военными трактатами и с некоторыми событиями античной военной истории, но назвать главные его источники невозможно; думаю, Кучма прав, считая их компиляциями из более ранних сочинений (с. 17). И вообще, как убедительно было показано волгоградским исследователем еще раньше, военная концепция Маврикия не столь теоретизирована, как, например, мысль Онасандра²¹. Автор “Стратегикона” намного более приземлен, исходит, ставя задачу перед стратигом и стратиотами, из реальных жизненных ситуаций, мышление его отличается динамичностью, быстрой реакцией на меняющуюся обстановку (с. 22–24). Но является ли это признаком отхода от манер античных военно-теоретических сочинений, определенным знаком переходной эпохи? Полагаю, этот вопрос требует отдельного изучения.

Обобщая все сказанное, повторяю, что выход в свет книги Кучмы – не только важный вклад в углубление целостного подхода к изучению одного из уникальнейших памятников ранневизантийской эпохи. Он побуждает исследовательскую мысль к новому обращению к, казалось бы, давно известному нарративу для извлечения сведений, способствующих реконструкции не только военной, но и в целом общественной восточноримской истории переходного периода.

И еще он подтверждает плодотворность анализа с акцентом на ярко выраженном авторском самосознании такого типа византийских сочинений, которые можно назвать погранич-

²¹ Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1984. Т. 45. С. 22.

ными между литературными и нелитературными текстами (вспомним, что А.П. Каждан, по сути, отрицал за последними использование образов и фигур, системы способов и средств, используемых авторами, чтобы выразить себя²²). “Стратегикон” действительно беднее подобными приемами, чем современные ему агиографические или гимнографические произведения. Но дидактизм, помноженный на собственный опыт, оказался в трактате таким отражением общественно-исторической реальности, пусть и военно-прикладной, когда природа последней, равно как и ее познание, предстают в качестве “актуализированного предела”, который империя и ее подданные должны sobлюсти, чтобы не потерпеть трагического ущерба. Подобное свойство “Стратегикона” ставит информацию трактата перед барьером эмоциональной выразительности – барьером, преодолеть который Маврикий не решается не из-за своей неспособности это сделать, а в силу серьезности и жизненности поставленных им перед собой задач. И в этом случае “Стратегикон” предстает как памятник, уровень художественности которого также достоин изучения.

А.С. Козлов

Максимович К.А. Закон судный людем. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлехранилище, 2004. 240 с.

Как памятник, принадлежащий к корпусу кирилло-мефодиевских текстов, “Закон судный людем” не обойден вниманием исследователей: он неоднократно издавался (см. характеристику изданий на с. 23–25 рецензируемой книги), и ему посвящена немалая литература (см. библиографию там же, с. 169–197). Монография Максимовича, однако, не затеряется в этом обилии написанного. Чтение книги убеждает, что автору есть что сказать нового о хорошо известном произведении.

Максимович отмечает, что его работа – это попытка комплексного подхода к источнику, исследование, посвященное как лингвистическим, так и юридическим аспектам памятника (с. 3, 26). В данном своем качестве эта книга идет гораздо дальше всей предшествующей литературы. Автором движет практическая цель: “по возможности точно установить авторство и время создания памятника” (с. 3), реконструировав “языковую” и “юридическую личность” переводчика (с. 26).

Максимович выступает прежде всего как высококвалифицированный филолог. Он и сам подчеркивает, что делает особый акцент на формально-языковых критериях определения авторства (с. 26; ср. с. 10–11). В этом, на мой взгляд, состоит наиболее сильная сторона книги Максимовича. Его описание переводческой техники “Закона судного” (гл. II. 3) – предпринятое, к слову, впервые в отношении этого памятника (ср. с. 38) – обнаруживает незаурядное владение теорией перевода и включает весьма разработанную и во многом оригинальную терминологию (автор, впрочем, отмечает ее экспериментальный характер – с. 40, примеч. 26). В других частях книги (гл. III. 3 и IV) Максимович дает простор своим способностям лексикографа и историка языка. Впечатляет объем филологического материала, которым владеет автор, и легкость, с которой он ориентируется в разнообразных словарях, изданиях текстов и в своей многоязычной и обширной литературе. Рассмотрение лексики, синтаксиса и переводческих приемов “Закона судного” Максимович сочетает с историко-юридическим анализом, прослеживая и комментируя тенденции, обнаруживающиеся в изменениях славянского текста по отношению к греческому оригиналу, “Эклоге” (гл. II. 2–3). Отдельная глава книги посвящена рецепции памятника на Руси.

На основании всей совокупности имеющихся данных – и прежде всего учитывая наличие в “Законе судном” целого ряда “моравизмов” (с. 86–103), – автор решительно присоединяется к “моравской теории” происхождения памятника. С особенной похвалой Максимович отзывается о работах виднейшего представителя этой теории, Йозефа Вашицы, хотя и не все выводы чешского ученого он разделяет (с. 13–15, 25). Автор монографии полагает, что перевод был сделан “билингвом”, “в совершенстве владеющим исходным (греческим) и переводящим (славянским) языками” (с. 125). По мнению Максимовича, билингвизм, демонстрируе-

²² Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 19–20.